

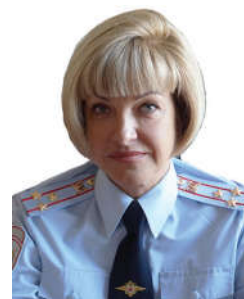
УДК 343.139

Олег Хамитович ГАЛИМОВ,

доцент кафедры уголовного права и процесса Сибирского института бизнеса, управления и психологии (г. Красноярск); доцент кафедры уголовного процесса Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск), судья Красноярского краевого суда в почетной отставке, кандидат юридических наук, доцент

galimov_oleg@mail.ru

Марина Александровна ГАЛИМОВА,

начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск), кандидат юридических наук

marina_bestujeva@mail.ru

ПРИМИРЕНИЕ СТОРОН КАК СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

RECONCILIATION OF THE PARTIES AS A MEANS OF PROTECTING THE RIGHTS AND INTERESTS OF A MINOR VICTIM IN CRIMINAL PROCEEDINGS

В работе рассматриваются сущность института примирения сторон как средства защиты прав и интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве, в том числе несовершеннолетнего потерпевшего, отдельные вопросы реализации этого вида примирения как судом, так и органами предварительного расследования. Акцентируется внимание на возрасте заявителя о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, учете его мнения и возможности самостоятельного влияния на исход уголовного дела.

The article considers the nature of the institution of reconciliation of the parties as a means of protecting the rights and interests of the victim in criminal proceedings, including the minor victim, and some certain issues of the implementation of this type of reconciliation by both the court and the bodies of preliminary investigation. The authors emphasize on the age of the complainant who terminates the criminal case in connection with the reconciliation of the parties, taking into account his opinion and the possibility of independent influence on the outcome of the criminal case.

Ключевые слова: примирение сторон, потерпевший, несовершеннолетний, малолетний, законный представитель, прекращение уголовного дела, защита прав.

Keywords: reconciliation of the parties, victim, minor, juvenile, legal representative, termination of the criminal case, protection of rights.

В ходе становления и укрепления правового государства защита прав и интересов личности имеет первостепенное значение и является определяющим фактором для всей правовой системы, в том числе

для уголовного процесса. Это определено их взаимообусловленностью и взаимозависимостью: сущность уголовного судопроизводства, его характер зависят от общеправового статуса личности в государстве в такой же

мере, в какой содержание уголовно-процессуальных институтов влияет на положение личности в государстве.

К сожалению, в настоящее время реальное положение личности в Российской Федерации таково, что при столкновении ее интересов и интересов государства возможности отдельного человека в реализации своего общеправового статуса невелики. Более того, провозглашая защиту прав и интересов человека в сфере уголовного судопроизводства в качестве основной задачи, законодатель в большей мере гарантирует реализацию прав обвиняемых (подозреваемых), то есть субъектов, которые своими действиями (бездействием) существенным образом уже нарушили права и интересы других лиц. При этом потерпевшие («жертвы преступления») оказываются «отодвинутыми на второй план». Еще большую озабоченность в этом плане вызывают несовершеннолетние, в том числе малолетние потерпевшие.

По данным Федеральной службы государственной статистики, ежегодно более полутора миллионов человек признаются потерпевшими по уголовным делам (2010 год – 1785,2 тыс. человек, 2011 год – 1656,7 тыс. человек, 2012 год – 1639,0 тыс. человек, 2013 год – 1566,9 тыс. человек, 2014 год – 1595,7 тыс. человек, 2015 год – 1699,1 тыс. человек, 2016 год – 1544,2 тыс. человек, 2017 год – 1417,3 тыс. человек, 2018 год – 1335,2 тыс. человек) (URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/pravo/10-05.doc), то есть практически каждый десятый житель Российской Федерации ежегодно становится жертвой преступных посягательств и вовлекается в орбиту уголовного процесса. Около 100 тыс. человек из них – несовершеннолетние (URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_13/IssWWW.exe/Stg/d2/10-06.htm).

Исследования в области ювенальной виктимологии показывают, что если в период с 2010 по 2013 годы в Российской Федерации просматривалась положительная тенденция – снижение общего количества несовершеннолетних потерпевших, то с 2014 года эта

тенденция приобрела негативный характер – прослеживается ежегодный рост количества несовершеннолетних жертв преступных посягательств. [4, с. 9-10] При этом несовершеннолетние наиболее часто становятся жертвами преступлений небольшой и средней тяжести (побои, кражи, действия сексуального характера, автотранспортные преступления). [4, с. 19-20]

При производстве по уголовному делу согласно п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ первоочередным назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (наряду с защитой личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод – п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Для эффективной реализации названной задачи необходимо, чтобы защита прав и интересов потерпевшего в сфере уголовного судопроизводства носила системный характер. По нашему мнению, такая система должна включать в себя следующие обязательные элементы: своевременное признание лица в качестве потерпевшего, обеспечение ему возможности реализации своего правового статуса (в том числе доступное, понятное и полное разъяснение его прав и обязанностей), оказание квалифицированной юридической помощи (включая случаи обязательного участия представителя потерпевшего); информирование о принятых по уголовному делу решениях (как итоговых, так и промежуточных), предоставление равных возможностей с обвиняемым (подозреваемым), возмещение вреда, причиненного преступлением, и др.

Вместе с тем, несмотря на принятые в последнем десятилетии изменения и дополнения уголовно-процессуального закона, потерпевший сегодня продолжает оставаться участником, чье мнение практически не учитывается при принятии значимых, в том числе итоговых, решений по уголовному делу частно-публичного и публичного обвинения.¹

В связи с этим действенной мерой, несущей в себе мощный гуманистический потен-

¹ К сожалению, такое положение нельзя назвать упущением отраслевого масштаба. В юридической литературе отмечается, что в административно-деликтной сфере эта проблема еще более выражена. [подр.: 9]

циал, ориентированный в первую очередь на потерпевшего, является уголовно-процессуальное примирение.

Примирение сторон является традиционным для уголовного отечественного судопроизводства, но в зависимости от общественной формации, социальных, экономических, политических и других факторов в разные исторические периоды менялся характер уголовно-процессуального примирения, его формы и содержание. В настоящее время институт примирения в уголовном процессе России представлен двумя самостоятельными видами: производством по делам частного обвинения (ч. 2 ст. 20, ст. 318, 319, 321 УПК РФ) и прекращением уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ).

Что касается дел частного обвинения, то в этом случае мнение потерпевшего (частного обвинителя) имеет максимальную императивность: при совершении деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ст. 116.1, ч. 1 ст. 128.1 УК РФ, течение, ход и окончание судопроизводства определяются исходя из позиции потерпевшего (частного обвинителя). Уголовные дела рассматриваемой категории возбуждаются только по заявлению потерпевшего, его законного представителя и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым. Примирение допускается до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, а в суде апелляционной инстанции – до удаления суда апелляционной инстанции в совещательную комнату для вынесения решения по делу (ч. 2 ст. 20 УПК РФ).

Абсолютно иное положение у потерпевшего по делам публичного и частно-публичного характера – его мнение о прекращении производства по уголовному делу при наличии определенных оснований и условий (ст. 25 УПК РФ) может быть учтено, но оно (мнение) имеет диспозитивный характер и поставлено в зависимость от усмотрения должностных лиц, ведущих производство по делу.

В настоящее время примирение сторон (ст. 25 УПК РФ) является практически единственной возможностью для потерпевшего реально воздействовать на ход уголовного судопроизводства по делам частно-публично-

го и публичного обвинения. Однако реализация этого права затруднена рядом проблем законодательного, правоприменительного, организационного характера, что существенным образом снижает потенциал данного вида примирения. А это, в первую очередь, отрицательным образом сказывается на потерпевшем, защите его прав и интересов.

В основе прекращения уголовного дела (уголовного преследования) всегда лежат уголовно-правовые основания освобождения от уголовной ответственности. В рассматриваемом случае это ст. 76 УК РФ («Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим»). Статья 25 УПК РФ в совокупности со ст. 76 УК РФ содержат ряд критериев (требований), при наличии которых может быть принято решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования). В их числе можно выделить основания принятия решения (примирение сторон и заглаживание вреда) и условия (преступление совершено лицом впервые, относится к категории небольшой или средней тяжести, потерпевший или его законный представитель подали соответствующее заявление, получено согласие контролирующих лиц (руководителя следственного органа либо прокурора).

Исходя из специфики нашей статьи более подробно остановимся на одном из условий прекращения уголовного дела (уголовного преследования) – наличие заявления потерпевшего либо его законного представителя.

Под примирением сторон в уголовном судопроизводстве следует понимать достижение взаимной договоренности (добровольного соглашения) потерпевшим и лицом, совершившим преступление, об отсутствии претензий друг к другу по поводу совершенного деяния. При этом примирение предполагает отказ потерпевшего от первоначальных притязаний (требований) на привлечение лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности и не исключает возможности применения к нему ответственности в порядке гражданского судопроизводства (ч. 4 ст. 213 УПК РФ). [3, с. 75]

Инициатива примирения может исходить как от самого потерпевшего, так и от лица,

совершившего преступление, но только при условии официального заявления об этом потерпевшим (законным представителем). Заявление лица о прекращении уголовного дела является важным процессуальным документом. Вместе с тем уголовно-процессуальный закон не определяет его содержания и формы, в которой оно должно быть сделано. В УПК РФ получили детальную регламентацию лишь такие способы передачи информации потерпевшим, как заявление о преступлении (п. 6 ч. 1 ст. 24, ст. 140, 141, 318 УПК РФ) и его допрос (ст. 188-191 УПК РФ). Причем последнее следственное действие предполагает не только сообщение потерпевшим сведений о совершенном в отношении него преступлении, но и изложение любой информации об обстоятельствах, в связи с которыми он вызван на допрос. Учитывая это, заявление потерпевшего о примирении может быть зафиксировано либо в отдельном документе с изложением данных о причинителе вреда, личности заявителя и его волеизъявлении, либо в протоколе допроса. Принимая во внимание, что обращение потерпевшего в органы предварительного расследования может быть сделано не только письменно, для оформления устного заявления необходимо составление протокола его принятия.

Исходя из смысла закона, заявление потерпевшего должно содержать просьбу (указывать на его желание) прекратить уголовное дело в связи с примирением с лицом, в отношении которого оно возбуждено. При этом заявление потерпевшего должно рассматриваться как его ходатайство, требующее соответствующего разрешения в порядке главы 15 УПК РФ.

Правом на примирение прежде всего обладает сам потерпевший. Он решает вопрос о наличии либо отсутствии претензий к лицу, совершившему преступление, может отказаться от уголовного преследования этого лица, а также определяет размер компенсации за причиненный преступлением вред. Вместе с тем в числе лиц, правомочных выступать с заявлением о прекращении уголовного дела, законодатель наряду с потерпевшим называет его законного представителя. Однако отсутствие соответствующих право-

вых предписаний относительно возраста потерпевших – авторов заявлений порождает вопросы реального обеспечения их прав, в том числе при коллизии интересов данных субъектов.

Законными представителями являются родители, опекуны, попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего, представители учреждений или организаций, на попечении которых он находится, а также органы опеки и попечительства (п. 12 ст. 5 УПК РФ). Основные нормы, регулирующие участие законного представителя в судопроизводстве, сосредоточены в главе 50 УПК РФ «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних» и касаются, главным образом, законных представителей несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого. Применительно к несовершеннолетнему потерпевшему процессуальный статус его законного представителя в достаточной степени не определен.

Своеобразие процессуального положения законного представителя обусловлено, во-первых, возможностью совмещения законным представителем в одном лице функции различных участников процесса (законного представителя, защитника, гражданского ответчика, свидетеля). Во-вторых, участие законного представителя в процессе происходит как в целях обеспечения повышенной охраны прав и законных интересов несовершеннолетнего в силу его ограниченной дееспособности, так и в целях выяснения роли самих законных представителей в формировании личности ребенка. [8, с. 37-38]

Вступление законных представителей в уголовный процесс не зависит от воли и желания представляемого лица, поскольку полномочия на представительство они приобретают не от представляемого (согласно доверенности), а на основании закона. Поэтому от оказываемой законным представителем помощи (в отличие от услуг договорного представителя) представляемый отказаться не может, как не требуется и согласия последнего на совершение каких-либо действий в его интересах законным представителем. [2, с. 82-84]

В юридической литературе среди большинства специалистов не вызывает сомнения тот факт, что в уголовном процессе законный представитель, защищая прежде всего интересы представляемого, отстаивает и свои собственные. Так, в соответствии с законом родители отвечают за вред, причиненный малолетними детьми (ст. 28, 1073 ГК РФ). Поэтому в случае совершения последними общественно опасного деяния ничто не мешает родителям во избежание имущественной ответственности доказывать, что вред причинен не по их вине. Кроме того, когда в отношении несовершеннолетнего совершено преступление (например, хищение), родители заинтересованы в возмещении материальных затрат, связанных с участием в производстве по делу, а также возмещении материального ущерба. Нельзя не учитывать и того, что интерес законного представителя может быть связан и с охраной сведений об интимных сторонах собственной или семейной жизни (например, охрана тайны усыновления), а также отстаиванием своей или семейной репутации.

Однако «двойная» заинтересованность законного представителя в деле не исключает возможности расхождения его личных интересов и интересов представляемого им лица. Поэтому для определения пределов права законного представителя потерпевшего на подачу заявления и решения вопроса о примирении, порядка разрешения противоречий между ним и представляемым и в конечном итоге для обеспечения интересов несовершеннолетнего потерпевшего имеет важное значение разграничение полномочий данных субъектов применительно к возрасту заявителя.

В юридической науке продолжительное время ведутся споры относительно возраста лица, заявление которого может служить поводом к началу уголовно-процессуальной деятельности. Для большинства процессуалистов не вызывает сомнения, что заявить о преступлении может как взрослый, так и несовершеннолетний (В.В. Кальницкий, В.А. Лазарева, В.В. Николук, С.Б. Мартыненко, Г. Филиппенков). Вместе с тем ученые весьма осторожны в определении минималь-

ной возрастной границы заявителя с точки зрения процессуально значимых последствий его обращения в компетентные органы. В данном случае, рассматривая проблему возрастных ограничений для авторов заявлений о преступлении, мы не видим принципиальных препятствий относительно использования аналогичных подходов к определению возраста заявителя о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон.

Специалисты обоснованно отмечают, что в качестве поводов к возбуждению уголовного дела закон допускает не всякие источники информации, а только те, которые максимально обеспечивают ее достоверность и возможность проверки. [6, с. 22] Не случайно в качестве одного из условий, обеспечивающих надежность сообщаемых заявителем сведений, законодатель рассматривает разъяснение ему ответственности за заведомо ложный донос (ч. 6 ст. 141 УПК РФ). Поскольку таковая по ст. 306 УК РФ предусмотрена с 16 лет, в теории уголовного процесса получила наибольшее распространение точка зрения о том, что именно с наступлением этого возраста связано абсолютное право подростка на самостоятельную подачу жалобы. Жалоба же, поступившая от 14-15-летнего пострадавшего, может служить поводом к возбуждению уголовного дела лишь при подтверждении ее законным представителем. В случаях совершения преступления в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 14-летнего возраста, жалоба может быть подана только его законным представителем.

Трудно не согласиться с тем, что коль скоро законодатель рассматривает 16-летнего молодого человека в качестве субъекта, отвечающего за свои поступки перед судом, то нет оснований лишать его права на привлечение к уголовной ответственности правонарушителей (как и на примирение с ними) без согласия родителей.

По нашему мнению, при определении возраста потерпевшего, правомочного подавать заявление с просьбой о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, целесообразно придерживаться правила, исходя из которого возможность принимать самостоятельное решение о примирении лицо

приобретает по достижении 16 лет. Принимая во внимание, что лица младшего возраста обладают частичной дееспособностью, их заявление о примирении должно быть подтверждено законным представителем, однако независимо от позиции последнего мнение самого потерпевшего должно быть отражено в материалах дела и учитываться при принятии окончательного решения по делу. Если же преступление совершено в отношении малолетнего (до 14 лет) или недееспособного потерпевшего, т.е. лиц, не способных правильно оценить обстоятельства происшедшего, сущность и значение принимаемых по делу решений, то вопрос о примирении решается только с их законными представителями.

Неоднозначен подход к рассматриваемой проблеме и у правоприменителя. Так, уголовное дело, возбужденное по факту наезда на несовершеннолетнюю Р. (16 лет), было прекращено следователем на основании заявления ее отца, который в нем указал: «Я и моя дочь претензий не имеем». При этом волеизъявление самой потерпевшей в материалах дела не отражено (архив ГСУ ГУ МВД России по Красноярскому краю, уголовное дело № 134588). Аналогичным образом ситуация была разрешена по уголовному делу, возбужденному по факту хулиганских действий в отношении потерпевшей К. (15 лет): уголовное дело было прекращено на основании заявления законного представителя К. – ее матери. Мнение по этому поводу самой потерпевшей неизвестно (архив ГСУ ГУ МВД России по Красноярскому краю, уголовное дело № 6090815). Напротив, уголовное дело, возбужденное по факту угрозы убийством несовершеннолетнему Р. (17 лет), было прекращено на основании заявления потерпевшего. Законный представитель в производстве по делу не участвовал (архив ГСУ ГУ МВД России по Красноярскому краю, уголовное дело № 19166113). Уголовное дело по факту нанесения побоев несовершеннолетней С. (16 лет) было прекращено на основании заявлений самой потерпевшей и ее законного представителя (архив ГСУ ГУ МВД России по Красноярскому краю, уголовное дело № 77978). Более того, уголовное дело, возбужденное по факту причинения легко-

го вреда здоровью несовершеннолетнему А. (15 лет), было прекращено в судебном заседании на основании заявления законного представителя (его матери), несмотря на заявление потерпевшего, что он до сих пор «держит обиду» на подсудимого (архив Бородинского городского суда Красноярского края, уголовное дело № 1-49/2003). Уголовное дело по обвинению П. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ, было прекращено в судебном заседании на основании заявления законного представителя потерпевшей в связи с тем, что «...они с П. примирились, и П. полностью загладил причиненный ее дочери (12 лет) вред...»; подсудимый П. в заседании заявил, что он также примирился с законным представителем потерпевшей (выделено нами. – О.Г., М.Г.). При этом мнение самой потерпевшей по поводу примирения в суде не выяснялось (постановление Дятьковского городского суда Брянской области от 27 сентября 2018 г. по делу № 1-155/2018. URL: sudact.ru).

Верховный Суд Российской Федерации выразил свое мнение по этому вопросу в постановлении Пленума ВС РФ «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (п. 11): для защиты прав и законных интересов потерпевших, являющихся несовершеннолетними, к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители (ч. 2 ст. 45 УПК РФ), имеющие те же процессуальные права, что и потерпевший (ч. 3 ст. 45 УПК РФ); в случае если мнение несовершеннолетнего потерпевшего по вопросу о примирении с обвиняемым и прекращении уголовного дела не совпадает с мнением его законного представителя, то основания для прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон отсутствуют.

Что касается мотивов примирения, по нашему мнению, не имеет значения, действительно ли обвиняемый (подозреваемый) в совершении преступления искренне желает достичь примирения и загладить причиненный потерпевшему вред либо делает это исключительно ради облегчения своей дальнейшей судьбы. Однако в целях эффективной защи-

ты прав и интересов потерпевшего, обеспечения вынесения законного и обоснованного решения по делу необходимо установление мотивов (как со стороны обвиняемого, так и со стороны потерпевшего), приведших к возможности прекращения уголовного дела по данному основанию. Мотивы действий участников примирения могут быть разными, но обязательным, неотъемлемым условием является добровольность примирения. Лицо, ведущее производство по делу должно быть уверено, что согласие потерпевшего на примирение является исключительно добровольным, не служит следствием принуждения, запугивания, угроз со стороны лица, совершившего преступление, или его окружения.

Нередко на формирование практики реализации рассматриваемого института в регионах страны большое значение оказывает позиция руководителей правоохранительных органов. При этом положительная динамика применения ст. 25 УПК РФ на стадии предварительного расследования, имеющая место в полном соответствии «с духом и буквой» нормы, в целях наиболее полной и эффективной защиты прав и интересов потерпевших от преступлений, получает отрицательный эффект и вызывает оживленные споры. По мнению отдельных практических работников, решение следователя об освобождении от уголовной ответственности устанавливает отказ государства не только от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление, но и предупреждения других преступлений. В связи с этим правом прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, в том числе в связи с примирением сторон, должен обладать только суд.

По нашему глубокому убеждению, указанная точка зрения представляется весьма спорной. В этом случае возможна ситуация, когда законные интересы не только потерпевшего, но и обвиняемого нарушаются еще в большей степени. Наглядно такую коллизию иллюстрирует пример, уже ставший классическим.

Гражданин Л. совершил наезд на автомобиле на гражданку Ю., причинив ей вред здоровью средней тяжести. Л. с места происшествия не скрылся, доставил потерпевшую

в больницу. Характеризовался он положительно, ранее ни к уголовной, ни к административной ответственности не привлекался, безусловно водил автомобиль в течение нескольких лет. В ходе следствия между ним и потерпевшей было достигнуто соглашение о примирении и прекращении уголовного дела при условии выплаты в пользу потерпевшей в качестве компенсации определенной денежной суммы. Однако уголовное дело на стадии предварительного расследования прекращено не было, а было передано в суд. В суде дело рассматривалось в течение года. Помимо дополнительной нагрузки на суд и судью, связанной, в частности, с вызовом свидетелей, экспертов, понесли определенные издержки потерпевший и подсудимый. В итоге подсудимый был приговорен к шести месяцам лишения свободы условно, лишен водительских прав на один год. С него была взыскана сумма, которая оказалась в шесть раз меньше, чем та, которую могла получить от него потерпевшая. Тем самым приговор не совпал с законными интересами потерпевшей, не говоря уж об интересах подсудимого. [7, с. 74-75] И подобных примеров в практической деятельности множество.

Необходимо отметить, что у суда есть возможность расширить сферу деятельности института примирения сторон – с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности суд вправе при наличии смягчающих обстоятельств и отсутствииотягчающих изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию преступления при наличии условий, определенных уголовным законом (ч. 6 ст. 15 УК РФ).

Но защита прав и интересов лиц, потерпевших от преступлений, может и должна обеспечиваться не только в суде, но и на стадии предварительного расследования, в том числе когда принимается решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования).

Достижение целей уголовного процесса в случае прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон определяется и тем, насколько каждый участник триады (потерпевший – лицо, совершившее преступление,

– государство) реализовал при этом свои интересы. Для потерпевшего это, как правило, быстрая, своевременная и полная компенсация причиненного ему вреда; для лица, совершившего преступление, – освобождение от уголовной ответственности и тягот уголовного процесса; для государства – экономия времени и средств, связанных с уголовным судопроизводством.

В этой ситуации важно действительно соблюсти баланс защиты интересов именно потерпевшего, а в особенности – несовершеннолетнего потерпевшего, чтобы не нанести еще больший вред путем «принудительного» вовлечения в уголовное судопроизводство. Зачастую своевременное и оперативное прекращение уголовного дела может сделать больше для восстановления нарушенных преступлением общественных отношений, нежели судебный процесс, завершаемый приговором.

Так, водитель Б.В.В. 22 июня 2018 г., управляя автомобилем, в котором находилась ее дочь (14 лет), допустила его опрокидывание. В отношении Б.В.В. было возбуждено уголовное дело по признакам ч. 1 ст. 264 УК РФ. В ходе расследования уголовного дела от потерпевшей Б.С. и ее законного представителя Б.Д.С. (супруга обвиняемой) поступило ходатайство о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, с пояснением, что они являются родственниками, обвиняемая – мама потерпевшей, они примирились, между ними близкие, хорошие отношения, она оказывает ей моральную и материальную поддержку, Б.Д.С. (законный представитель) и Б.В.В. (обвиняемая) совместно полностью оплачивают расходы на лечение дочери, в настоящее время лечение закончено, в связи с чем они просят о прекращении уголовного дела за примирением сторон.

Указанное ходатайство на стадии предварительного расследования удовлетворено не было, и уголовное дело было передано в суд.

В судебном заседании, проведенном в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (по правилам главы 40 УПК РФ) с учетом обстоятельств, что Б.В.В. к уголовной ответственности привлекается впервые, совершила преступление

небольшой тяжести, к административной ответственности, в том числе за нарушения ПДД, ранее не привлекалась; вину свою полностью признала, активно способствовала раскрытию и расследованию преступления, в содеянном раскаивалась, по месту жительства и по месту работы характеризовалась положительно, с потерпевшей и законным представителем потерпевшей находится в близких родственных отношениях, они проживают вместе одной семьей, потерпевшая является ее дочерью, которая находится на ее иждивении, в связи с чем подсудимая оплачивала лечение дочери и морально поддерживала ее, то есть она загладила причиненный вред; с дочерью она примирилась, было принято решение о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон (постановление Брянского районного суда Брянской области от 12 сентября 2018 г. по делу № 1-99. URL: sudact.ru).

Вряд ли представляется оправданным в целях защиты личности в ходе уголовного судопроизводства, ее прав и интересов игнорировать мнение этой личности. Продолжение производства по уголовному делу вопреки воле потерпевшего еще больше усиливает его страдания, причиняет ему вред, часто гораздо больший, нежели нанесенный преступлением.

В подтверждение этому можно привести мысль, высказанную еще в начале XX века О. Липманом, о том, что уголовный процесс достигает своей цели лишь при том условии, если он одновременно с защитой государства от преступных посягательств способен защитить и гражданина от государства, от опасных ошибок и злоупотребления своей силой. [5, с. 92] По нашему мнению, следует согласиться с точкой зрения, согласно которой максимальная эффективность уголовного процесса означает минимальную тиранию со стороны государства. [1, с. 29-33] Подводя итог, следует отметить, что потерпевшим от преступлений, в том числе несовершеннолетним, должна быть предоставлена реальная, гарантированная возможность отстаивать свои интересы, защищать нарушенные права путем влияния на исход уголовного дела.

Библиографический список

1. Бажанов, С.В. Стоимость уголовного процесса : автореф. дис... д-ра юрид. наук / С.В. Бажанов. – Н. Новгород, 2002.
2. Галимов, О.Х. Малолетние лица в уголовном судопроизводстве / О.Х. Галимов. – СПб., 2001.
3. Галимова, М.А. Уголовно-процессуальное примирение : монография / М.А. Галимова. – Красноярск, 2006.
4. Кабанов, П.А. Несовершеннолетние жертвы современной российской преступности: статистико-виктимологическое измерение (2009-2015 гг.) / П.А. Кабанов // Виктимология. – 2016. – № 3(9).
5. Липман, О. Психология допроса обвиняемого в уголовном процессе / О. Липман // Право и жизнь. – 1924. – № 3/4.
6. Михайленко, А.Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе / А.Р. Михайленко. – Саратов, 1975.
7. Руднев, В.И. Освобождение обвиняемого от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: уголовно-процессуальный аспект / В.И. Руднев // Журнал российского права. – 1999. – № 10.
8. Рыбальская, В.Я. Особенности производства по делам о преступлениях несовершеннолетних / В.Я. Рыбальская. – Иркутск, 1972.
9. Цуканов, Н.Н. О принципе публичности в производстве по делам об административных правонарушениях / Н.Н. Цуканов // Административное право и процесс. – 2008. – № 4. – С. 7-10.